

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

УДК 72.03; 347.787

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ САКРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАМЯТИ В МОНУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ И АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ

д-р искусствоведения Т.В. ГАБРУСЬ

(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Минск)

Рассматривается проблема сохранения исторической памяти белорусского народа в аспекте традиций и актуальных задач современного отечественного сакрально-мемориального зодчества. Сакральное зодчество несет многовековой опыт мемориализации, освящения пространства-времени, что позволяет выявить его смысловое наполнение в большом историческом времени. Проведено теоретическое осмысление понятия “храм-памятник” как творческой идеи, получившей широкое распространение в монументальном искусстве и зодчестве Беларуси на рубеже второго и третьего тысячелетий в контексте раскрытия различных приемов взаимодействия новационных и традиционалистских идей.

Ключевые слова: монументальное искусство, архитектура Беларуси, традиции мемориализации, стилиевые характеристики мемориально-сакральных сооружений, храм-памятник, некрополь.

Язык зодчества – форма социальной памяти. То, что дошло до нас в разнообразных материальных и духовных носителях, исходно имеющих определенный смысл, историко-культурное насыщение, обеспечивает дальнейшую ориентацию и мотивацию поведения индивида в пространственно-временном и социокультурном континууме. Сакральное зодчество несет многовековой опыт мемориализации, освящения пространства-времени, что позволяет выявить его смысловое наполнение в большом историческом времени. В контексте раскрытия различных приемов взаимодействия новационных и традиционалистских идей в отечественной архитектуре нами проведено теоретическое осмысление понятия «храм-памятник» как творческой идеи, получившей широкое распространение в монументальном искусстве и зодчестве Беларуси на рубеже второго и третьего тысячелетий.

Традиция сохранения исторической памяти с помощью архитектурных сооружений – пирамид, скальных гробниц, мавзолеев – восходит к истокам человеческой цивилизации, отражая различные космогонические системы мировоззрения, как пантеистические, так и монотеистические. Уже на первых страницах ветхозаветной Книги Бытие в Библии есть упоминание об установке мемориального знака из камня. В христианстве традиция почетных захоронений в храмах, согласно вероисповеданию усопших, возникла на основе катакомбных захоронений первых христиан, гонимых официальной властью. С принятием христианства на государственном уровне в ряде стран Средиземноморья и Малой Азии распространилась традиция почетных захоронений в криптах, т.е. полуподземных помещениях храмов. Это касалось преимущественно епископата еще неразделенной на то время раннехристианской церкви. В условиях сухого и жаркого климата, натурального плотного песчаного грунта катакомб и крипт часто происходила естественная мумификация останков умерших, что являлось свидетельством их святости. Такого рода мемориализация была подчинена, прежде всего, идее личного духовного предстояния перед Богом и констатации праведной жизни усопшего.

Основная часть. Мемориалы в силу своей социальной значимости – тема чрезвычайно обширная и семантически насыщенная. В данной работе мы рассмотрим ее в аспекте традиций и актуальных задач отечественного сакрально-мемориального зодчества. Поскольку распространение христианства в целом продвигалось исторически и географически с юга на север Европы, то и традиция почетных храмовых захоронений, соответственно, перемещалась на северные широты, в более суровые климатические условия, в том числе на восточнославянские земли после принятия ими крещения по византийскому образцу в 988 году. На Руси наличие природных катакомб-«печор» с особым микроклиматом зачастую служило основанием возникновения древнейших православных монастырей (например, Киево-Печерской лавры, черниговского Антониево-Печерского монастыря, Псковско-Печерской лавры). Как известно, после захвата Константинополя крестоносцами в 1258 году в киевские печоры были перевезены мумифицированные останки святой Евфросинии Полоцкой. Там они хранились да 1910 года, затем торжественно, вверх по Днепру, перевезены в Полоцк.

Самостоятельное Полоцкое епископство было создано в 992 году. В середине XI века актом строительства величественного Софийского собора отмечено начало монументального каменного зодчества на белорусских землях, что отражало креативный дух и пассионарность «империи Рюриковичей». Однако после возведения семиглавого Софийского собора, архитектоника и семантика которого имела в

основном поздневизантийский генезис эпохи императора Льва Мудрого, каменное церковное строительство в Полоцке прекратилось почти на полстолетия. При епископе Мине (1105–1116) каменное храмо-строительство в Полоцке возобновляется, здесь возводится сразу несколько “мурованых” церквей. На сегодняшний день известно 8 памятников полоцкой школы сакрального зодчества древнерусского периода, ставших основой формирования национальной традиции в этой сфере [1]. Из них только единственная Спасо-Преображенская церковь Евфросиньевского монастыря дошла до нашего времени с сохранившимися в основном аутентичными конструкциями. Архитектурно-археологические фрагменты остальных раскрыты, зафиксированы и атрибутированы различными исследователями в разное время.

На основе анализа строительной техники археологами (А. Павлинов, И. Хозеров, Н. Воронин, П. Раппопорт, В. Булкин, Г. Штыхов и др.) весьма точно определены даты возведения каждого памятника.

В первой четверти XII века на противоположном от княжеского детинца левом берегу Западной Двины, при впадении в неё речки Бельчанки, в предместье Бельчицы сыном Всеслава Чародея, строителя Софийского собора, князем Борисом был основан монастырь в честь первых восточнославянских святых князей Бориса и Глеба. Канонизация этих святых произошла в 1127 году, но религиозный праздник в их честь отмечается в Ипатьевской летописи уже несколько ранее – в 1092 году. *Бельчицкий Борисоглебский монастырь* служил летней резиденцией князя и оборонительным форпостом при подходе к Полоцку с юга. Комплекс включал четыре каменные церкви, сооруженные на протяжении целого столетия, с начала XII по начало XIII века. Среди них своей необычной архитектурой выделяется небольшой бесстолпный храм с квадратной алтарной апсидой и криптой, так называемая *Пятницкая церковь* (разрушена в результате артобстрела белополяками в 1921 году). Из-за нетипичности ее композиции для древнерусского каменного зодчества она долгое время считалась дореволюционными учеными памятником храмо-строительства XVII века. При обследовании руин церкви И. Хозеровым выявлены первоначальные фрагменты XII века, а также фрески на евангельские сюжеты и изображения святых князей Бориса и Глеба [2]. Архитектоника храма не имеет аналогов среди всего восточнославянского круга древнерусских церквей крестово-купольного типа. Скорее всего, она является экстраполяцией в плинфе местного деревянного храма клетского типа. При этом данная церковь является первым в белорусском зодчестве храмом с подземной криптой. Этот архитектурный компонент заимствован, как очевидно, из более южных стран византийского ареала, которые имели иной влажностно-температурный режим. Церковь, как полагают, являлась усыпальницей князя Бориса Всеславовича.

Помимо Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря в первой половине XII века в Полоцке имелись еще две церкви, в которых осуществлялись почетные захоронения. Их условные названия – «*храм-усыпальница*» *полоцких князей на Нижнем замке* и «*храм-усыпальница*» *полоцких епископов в предместье Сельце*, которые по своим архитектурным характеристикам относятся к типу русско-византийского четырехстолпного крестово-купольного храма. Церковь на Нижнем замке открыта и исследована П. Раппопортом в 1976 году. Считать ее усыпальницей позволяют найденные в раскопках фрагменты резного по камню саркофага из красного шифера и многочисленные куски глиняной обмазки, которой в то время покрывали кирпичные надгробия. К тому же эта церковь имеет необычную для полоцкой школы зодчества конструкцию фундамента, выложенного из бута насухо и заглубленного на глубину 1 м (полукрипта). С южной стороны к храму примыкала галерея, имевшая расширение на западном углу. Возможно, что захоронения осуществлялись в ней [3].

Церковь в Сельце под Полоцком, открытая Я. Ощепковым в 1947 году на территории Спасо-Преображенского монастыря, также служила усыпальницей. Этот факт подтверждается письменными источниками. В «Житии» святой Евфросинии Полоцкой отмечено, что епископ Илия передал ей место для монастыря Спаса в Сельце «идеже братия наша лежа, прежде нас бывши епископи». В 1960-х годах М. Каргером раскрыты значительные фрагменты нижней части стен храма и сделана его реконструкция. Основной объем с трех сторон (кроме алтарной, восточной) опоясывала обходная галерея с аркосолиями (нишами для установки саркофагов), возведенная одновременно с храмом. По характеру фундамента и общей композиции эта церковь напоминает церковь на Нижнем замке – близки по размерам, имеют общую технику кладки стен и фундаментов, а также особую мемориальную функцию. Это позволяет считать, что они составляют одновременную и отличительную группу памятников в контексте полоцкой школы зодчества XII века. Очевидно, что уже в то время на основе эмпирической практики строительства глубоких подземных крипт на территории Беларуси было отвергнуто. Традиция почетных захоронений переместилась на надземный уровень, в пристройки православных соборов.

О наличии почетных захоронений в сакральных сооружениях в период оборонного зодчества с элементами западноевропейской романики и готики (с XIII по начало XVI в.) письменные и археологические свидетельства почти отсутствуют. Образцом элитарной мемориализации периода правления династии Ягеллонов являются королевские захоронения в костеле св. Станислава на Вавельском замке в Кракове, представленные в виде готических катафалков с саркофагами и пристенных надгробий в пристроенных часовнях-капеллах (каплицах). В Польше данная историческая традиция сакрализации общественной памяти сохраняется и в наше время – торжественное захоронение останков президента Леха Качиньского и его

супруги Марии, погибших в авиакатастрофе под Смоленском 1 апреля 2010 года, именно в крипте собора св. Станислава в Кракове, древней столице государства, а не в современной Варшаве.

Единственным сохранившимся на территории Беларуси мемориальным сооружением конца XIV века являются боковые готические каплицы приходского (фарного) костела в Новогрудке (рис. 1), одного из самых ранних в Великом Княжестве Литовском.

Рисунок 1. – Костел Преображения Господня. Готические часовни, XIV век

Костел был основан в 1395 году Великим князем Витовтом, вскоре после государственного крещения этнической Литвы по католическому обряду. В нем в начале XV века вступал в брак король Польши Владислав Ягайло с княжной Софьей Гольшанской, о чем свидетельствует мемориальная плита на стене готической часовни, сохранившейся от первого костела, освященного в честь Всех Святых. Этот брак положил начало династии Ягеллонов, почти 200 лет правившей крупнейшим государством Центрально-Восточной Европы, объединившим Корону Польскую и Великое Княжество Литовское. В 1712–23 годах на месте готического костела был построен новый, в честь Преображения Господня, в стиле «сарматского» барокко, с выразительной массивной пластикой форм. В него органично вошли старые готические часовни, при этом для целостности композиции главный фасад был чуть сдвинут с продольной оси симметрии сооружения [4]. Эти три бессистемно размещенные гранёные часовни с готическими нервюрными сводами и цветными витражами в свинцовой оправе, ориентированные алтарями по разным сторонам света, изначально предназначались, вероятно, для почетных великокняжеских захоронений. В XVII веке их мемориальный характер был дополнительно подчеркнут барельефным надгробием из черного мрамора и песчаника, установленным в 1643 году каштеляном новогрудским Яном Рудоминою в память о брате и его соратниках, погибших в битве с турками под Хотимом в 1621 году, в данном храме не захороненных.

Уникальные православные памятники белорусской готики *церкви-крепости* в Супрасле (под Белостоком, ныне Польша), Сынковичах (Зельвенский р-н), Мурованке (Щучинский р-н), сооруженные в начале XVI века, имели относительно небольшие подземные помещения-крипты, которые использовались, как полагают, для хранения запасов продовольствия и оружия на случай осады. Захоронения служителей церкви осуществлялись на огражденной территории храмов.

С началом ренессанса в архитектуре Короны Польской, в период правления королевы Боны, получили распространение квадратные в плане, перекрытые полусферическими куполами, пристроенные к соборам «каплицы гробовые», прообразом для которых явились итальянские ренессансные капеллы, в том числе и известная усыпальница Лоренцо и Джулиано Медичи во Флоренции работы Микеланджело. По всей Европе получили распространение многоярусные *пристенные скульптурные надгробия* с изображением усопшего и его близких. После бегства королевы Боны из Речи Посполитой и смерти в изгнании в городе Бари на юге Италии ее дочерью Анной Ягеллонкой, женой короля Стефана Батория, было сооружено величественное многоярусное пристенное надгробие, где король и королева изображены предстоящими перед усопшей матерью.

В Великом Княжестве Литовском наиболее значительным мемориальным сооружением в стиле ранне-го барокко стала *капелла св. Казимира при виленском кафедральном костеле св. Станислава*, сооруженная в 1623–1631 годах архитектором Константином Тенкалло по инициативе короля Сигизмунда III Вазы [5]. Чрезвычайно набожный королевич Казимир, четвертый сын короля Владислава Ягайлы, умер 4 марта 1484 года в Гродно. Его жизнь и смерть сопровождалась рядом сверхъестественных явлений, что способствовало его канонизации как святого, процесс которой длился более 100 лет (канонизирован 7 ноября 1602 г.). Святой Казимир почитался как небесный покровитель католического населения Великого Княжества Литовского. Останки его перезахоронены в раннебарочной купольной часовне при кафедральном костеле 14 сентября 1636 года в саркофаге из трофейного серебра, захваченного королем Сигизмундом III Вазой во время войны с Москвией в 1611–1619 годы.

На территории современной Республики Беларусь уникальным памятником элитарной мемориализации эпохи барокко является *некрополь князей Радзивиллов в костеле Божьего Тела* в Несвиже (рис. 2), построенном в 1587–1593 годах по проекту архитектора итальянца Д.-М. Бернардини. С ним связано появление в монументальной архитектуре Речи Посполитой проектного чертежа, что стало важным шагом не только в сфере технического прогресса, но и художественных средств искусства архитектуры [6].

Рисунок 2. – Костел Божьего Тела. Общий вид

Многочисленные исторические документы свидетельствуют, что в замысле и реализации в строительстве костела Божьего Тела в комплексе с грандиозным по тому времени зданием коллегии иезуитов принимал активное участие его основатель (фундатор) князь Н.Х. Радзивилл Сиротка.

Согласно акту фундации костел принадлежал одновременно несвижской коллегии иезуитов и прихожанам, изначально задумывался как фамильная усыпальница княжеского рода, что отразилось на архитектуре храма. По своей архитектонике костел Божьего Тела – первая в белорусском зодчестве трехнефная крестово-купольная базилика. Её купол по своей конструкции и размерам (диаметр 10 м), возведенный архитектором И. Бризио из Падуи, также первый на нашей земле. В дальнейшем недостаток опыта возведения куполов большого пролета из кирпича также ограничивал их сооружение в Великом Княжестве Литовском. После обрушения купола при строительстве костела иезуитов в Вильне генерал ордена Матеус Вителески запретил возведение куполов в литовской провинции ордена.

В несвижском костеле Божьего Тела находится один из крупнейших в Европе фамильных некрополей. Под трансептом сооружена обширная полуподземная крипта-мавзолей, включающая ряд склепов, где на сегодняшний день находятся 154 захоронения представителей рода Радзивиллов (последнее захоронение Антония Радзивилла 8 июня 2000 г.). Здесь находится алтарь Девы Марии и 71 саркофаг с набальзамированными останками, а также ряд погребальных урн в кладке стен крипты. Этот уникальный секрет набальзамирования был приобретен Н.Х. Радзивиллом Сироткой, вероятно, во время паломничества в Святую землю: вместе с ним забальзамирован и любимый гайдук князя, который не раз спасал его во время опасного путешествия. Вход в крипту сделан в северном крыле трансепта, где расположены также

пристенные скульптурные надгробия основателя храма Радзивилла Сиротки и двух его сыновей, выполненные в стиле раннего барокко, являющие важный историко-культурный компонент оформления интерьера. Эпитафия под изображением князя в одежде пилигрима констатирует, что перед лицом смерти каждый – не воин, а всего лишь странник на этом свете. Рядом с трансептом за стены базилики симметрично выступают гранёные в плане купольные каплицы св. Петра и св. Андрея, предназначенные соответственно для почетных захоронений служителей церкви и уважаемых граждан. Очевидно, что вся система почетных захоронений иерархически структурирована.

В 1594–1627 годах на средства канцлера Великого Княжества Литовского Льва Сапеги в Вильне возведен костел Михаила Архангела. Здесь находится один из самых ценных памятников мемориального искусства начала XVII века – надгробие самого канцлера и двух его жен Дороты Фирлей и Елизаветы Радзивилл, сооруженное в 1640-е годы (скульптор С. Сало) в виде мощной многоярусной композиции, которая увенчана распятием и преклоненными перед ним ангелами [7]. Похожее пристенное надгробие сына Льва Сапеги, подканцлера литовского Казимира Льва Сапеги, существовало ранее в построенном по его фундации костеле картезианцев в Березе.

В эпоху барокко большинство каменных храмов католических монастырских комплексов имели обширные крипты, часто соединенные подземными ходами на случай военной опасности. В инвентарях и архивных документах отмечаются захоронения в криптах и каплицах мощей выдающихся служителей католической церкви, например, св. Фабиана Милашевича в столбцовском костеле доминиканцев, св. Андрея Боболи в пинском костеле иезуитов, выдающегося религиозного мецената XVII века воеводы мстиславского Иосифа Корсака в заложенном по его фундации костеле кармелитов босых в Глубоком и др. В Мозыре деревянный костел ордена бернардинцев Михаила Архангела существовал с 1645 года по фундации Стефана Лозки, на его месте в 1760–1778 годы маршалком мозырским Казимиром Оскеркой был возведен каменный костел в стиле позднего барокко. Известно, что из крипты этого костела за 3 км на юг от него шел подземный ход в предместье Кимбаровка, где находился костел родственного ордена цистерцианцев (теперь в пределах города). Монастырь бернардинцев был закрыт в 1832 году, а костел Михаила Архангела передан под православную церковь с тем же названием [7]. В 2000-е годы в крипте храма были обнаружены многочисленные останки жертв репрессий 1930-х годов и сооружена мемориальная часовня в память о невинно убиенных.

Специфика мемориализации эпохи Просвещения выявлена в белорусском зодчестве – Троицкий костел в Волчине (Каменецкого р-на) с характерной светской позднебарочной стилистикой в архитектонике и орнаментике сооружения, которому присуща равнозначность всех фасадов и отсутствие алтарной апсиды. Костел возведен по фундации каштеляна краковского Станислава Понятовского в 1729–1733 годы; в 1770-е годы перестроен архитектором Я. Хемплем. Этим памятником в целом отмечены даты жизни последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, который в 1733 году был крещен в этом храме, а в 1798 году похоронен здесь же. В 1938 году его останки перевезены в Варшаву.

В эпоху Просвещения в Европе остро стал вопрос соотношения светского и сакрального начал в художественном воплощении гражданской памяти. Великая Французская революция способствовала разрушению устоев феодализма, что отчетливо отразилось на характере мемориализации государственного масштаба. Так, например, еще в 1791 году согласно указу Национального собрания церковь св. Женевьевы в Париже переоборудована в Пантеон – место захоронения выдающихся мужей Франции, среди которых были убежденные атеисты Вольтер и Руссо. С 1806 года здание служило одновременно церковью и мавзолеем, но в период Реставрации в 1822 году по указу Людовика XVIII здание снова стало исключительно культовым сооружением, а не светским некрополем, поскольку король уделял особое внимание восстановлению католичества как гаранта лояльного и благонаправленного поведения парижан. Ту же практику продолжал Карл X (1825–1830 гг.), который последним совершал даже так называемое королевское «исцеление прикосновением». Религиозное возрождение изрядно раздражало весьма безразличных к христианству парижан, которые с подозрением смотрели на «союз трона и алтаря». Король-радикал Луи-Филипп, наоборот, старательно дистанцировался от «союза трона и алтаря», отказался принимать участие в публичной воскресной мессе; уличные религиозные шествия при нем были запрещены. Поэтому в 1831 году, в период Июльской монархии, здание вновь было отдано под мавзолей, однако в 1851 году Луи Бонапарт в очередной раз превратил его в церковь.

Роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831 г.) способствовал пробуждению в обществе интереса к Средневековью и памятникам старины. Гюго стал одним из первых борцов за сохранение исторических памятников. Он завещал похоронить себя на кладбище Пер Лашез в простом гробу, как хоронят бедняка. Однако именно смерть и торжественные похороны Виктора Гюго в 1885 году (церемония длилась 8 часов) заставила Национальное собрание еще раз и окончательно определить церковь св. Женевьевы как государственный Пантеон Франции. «Это не памятник, а термометр гражданских страстей», – заметил о парижском Пантеоне французский журналист [8].

После разделов Речи Посполитой в конце XVIII века, присоединения белорусских земель к Российской империи и последующей радикальной смены политической и конфессиональной ориентации общества «гражданские страсти» кипели здесь на протяжении всего XIX века не менее бурно, чем в революционной Франции. Социальное противостояние вылилось в национально-освободительные восстания 1830–1831 и 1863–1864 годов, что отразилось на специфике монументального мемориально-сакрального искусства, его тематике и стилистике. Стилиевые направления сакральной мемориализации представляли широкий спектр от барочного классицизма до модерна, включая так называемые исторические стили, возникновение которых было обусловлено философско-эстетическими течениями романтизма и славянофильства, а также государственной политикой. В дворцово-усадебном строительстве получило распространение строительство камерных часовен-усыпальниц в стиле ложной готики (ретроспективного и неоготического направлений), как, например (рис. 3), в шляхетских усадьбах Закозель (Дрогичинский р-н), Грушевка (Ляховичский р-н) и других имениях дворянства католического вероисповедания [9].

Рисунок 3. – Усадебная часовня-усыпальница, XIX век

Примером усыпальницы периода классицизма является некрополь знатного магнатского рода Тизенгаузов в крипте костела Успения Девы Марии в г.п. Желудок Волковысского р-на, где находятся надгробия министра финансов (подскарбия надворного) Великого Княжества Литовского Антония Тизенгауза, выдающегося ученого-орнитолога Константина Тизенгауза и других. Историко-культурной ценностью является также усыпальница графского рода Умястовских в крипте костела св. Владислава в Субботниках (Ивьевский р-н), построенного в 1906–1907 годах на месте более старого храма. Строгое убранство обширного невысокого сводчатого помещения включает мемориальные доски из черного полированного гранита, мозаичные панно на подпружных арках, кованые решетки.

Весь XIX век и начало XX – время активного строительства многочисленных камерных фамильных усыпальниц раздельно на кладбищах католического и православного вероисповедания.

Стилиевые характеристики мемориально-сакральных сооружений второй половины XIX века отражали верноподданнические намерения определенных социальных пластов.

В регионах Приднепровья и Подвинья с преимущественно православным населением памятники мемориально-сакрального строительства представлены в ярко выраженной псевдорусской стилистике. Таковыми, например, стали фамильные часовни-усыпальницы в усадьбах пророссийской светской и духовной элиты в Гомеле, Рогачеве, Минске, Петрикове, Бездедовичах (Полоцкий р-н), храмы-памятники, посвященные боевым победам русского воинства над шведами в 1708 году под д. Лесная (Славгородский р-н) и французами в 1812 году на Брилёвском поле (Борисовский р-н) [10].

К ярким образцам мемориально-сакрального зодчества относится часовня-усыпальница князей Паскевичей в Гомеле, построенная в 1870–1889 годах в «русском стиле». Проект общей композиции необычного подземно-надземного сооружения разработан московским академиком архитектуры Е.И. Червинским, детализация убранства принадлежит А.Х. Пелю, строительными и декоративными работами руководили петербургские архитекторы немецкого происхождения М. Месмахер и О. Вегенер [11]. Часовня представляет собой центрический квадратный в плане объем, увенчанный высоким шатром в сочетании с пятью ложными луковичными главками. Структура венчающих масс, характерная для московско-ярославской архитектуры XVII века, обильно дополнена псевдорусскими декоративными деталями: многоярусными кокошниками, орнаментальными фризами, процветшими крестами, фигурными столбиками и пр. В архитектурной орнаментике памятника использованы многообразные строительные материалы: желтый кирпич, резной камень, терракота и майолика, художественный металл, мозаика и настенная роспись (художник С.И. Садиков). Фасады часовни с четырех сторон венчают фигурные изразцовые кокошники с изображением двуглавых орлов, увенчанных царской короной. Неподалёку от часовни расположен входной объем в крипту-усыпальницу представителей рода Паскевичей. Противоположная от входа стена украшена мозаикой с изображением двух ангелов. Памятник реставрирован в 1971–1975 годах. Характерно, что общая композиция гомельской часовни тяготеет к форме четырехгранной пирамиды, которая имеет вневременной метафизический смысл и восходит еще к космологии древних египтян.

Аналогичную объемно-пространственную композицию двухъярусной усеченной пирамиды, увенчанной высоким шатром с главкой, имеет также храм-памятник в Лесной (рис. 4), возведенный в 1908 году по проекту архитектора А. Гогена в честь 200-летия победы русских войск, одержанной здесь в битве 28 сентября 1708 года над шведским корпусом генерала А. Левенгаупта. Стилистика этого сооружения представляет неорусское направление в контексте модерна. Хотя в целом композиция памятника содержит скрытую семантику «пирамиды вечности», архитектура его строится по традиционному образцу крепостной башни – символа защиты родной земли от врагов, сочетая таким образом сакральное и гражданское начала. Ярусы пирамиды завершены стилизованными машикулями и «ласточкиными хвостами», имитируя крепостные стены. В то же время входные церковные порталы, ориентированные по четырем сторонам света, и главка с крестом акцентируют сакральную сущность памятника.

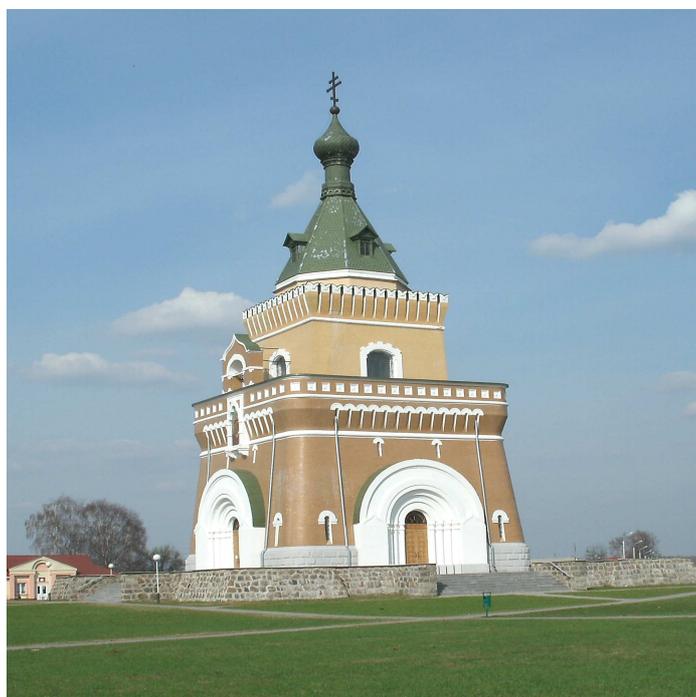

Рисунок 4. – Мемориальный храм св. Петра и Павла, XIX век

Ярким примером мемориального сакрального сооружения периода эклектизма с элементами модерна служит фамильная усыпальница князей Святополк-Мирских (рис. 5) в местечке Мир Кореличского р-на, возведенная по проекту архитектора Р. Марфельда в 1904 году [12].

Часовня имеет динамичную асимметричную объемно-пространственную композицию, нарастающую по высоте к юго-западному углу. В архитектуре памятника эклектично сочетаются детали древнерусского зодчества, древнеримской античной классики и необарокко, красный кирпич, бутовая

кладка и ордерный декор из серого бетона, мозаика с изображением Христа и лепной геральдический картуш. Княжеская усыпальница располагалась в обширной крипте с крестовыми сводами и кафельной печью. Памятник реставрирован в 2000-х годах.

Рисунок 5. – Часовня-усыпальница Сятополк-Мирских, XIX век

В период господства атеистической идеологии в БССР строительство мемориалов сакрального характера полностью прекратилось, а многие существующие были либо полностью разрушены, либо доведены до состояния руин. Центр тяжести в деле сохранения исторической памяти переместился в сферу монументальной пропаганды, сооружение многочисленных мемориальных архитектурно-скульптурных комплексов, посвященных преимущественно истории Октябрьской революции и Великой Отечественной войны. Многие из них имели яркое художественное воплощение, как, например, Монумент Победы в Минске, мемориалы «Хатынь», «Брестская крепость-герой» и др. При этом следует отметить, что масштаб этих пространственно-пластических конгломератов постепенно увеличивался соответственно возрастанию пафосности идеологической программы, а также увеличению общего масштаба градостроительной среды, росту этажности, расширению транспортных артерий. В 1970-е годы произведения монументально-мемориального искусства обретают черты «гигантомании», явно завышенного масштаба к мере человеческой сущности.

На всевозможных художественных конкурсах последних двух десятилетий прошлого века в воздухе буквально витала идея «храма-памятника» как основной темы создания мемориала общегражданской скорби. Однако, несмотря на свою очевидную привлекательность, богатые образно-пластические средства, возможность с помощью укрупнения архитектурных форм добиться завышенного масштаба, адекватного не отдельному человеку, а в целом новой городской среде, на наш взгляд, сущность идеи «храма-памятника» весьма спорная. В современном поликонфессиональном обществе Беларуси абстрактная идея «храма-памятника» как символа общегражданской скорби, не имеющая конкретной художественно-семантической традиции, если не провокационна, то очевидно бесплодна или локальна.

Есть много разных «но». Прежде всего, как понимать понятия «храм» и «памятник», написанные через дефис? Что это в реальности – настоящий храм, дом Божий, где осуществляется Божественная литургия? Или это – только мемориальный знак, малая архитектурная форма, которая всего лишь имитирует образ храма? Архитектоника христианского храма содержит глубочайшую религиозную символику во всех своих формах и даже конструкциях, основанную на литургическом каноне и художественной традиции. Сущность и эволюция этого явления проанализирована на примере наиболее значимых сакрально-мемориальных объектов Республики Беларусь рубежа второго и третьего тысячелетий [13].

В июне 1996 года в Минске, на «Острове мужества и скорби», был открыт мемориал «Сынам Отечества, погибшим за его пределами» (авторский коллектив под руководством Ю. Павлова). В истории создания мемориала воинам-интернационалистам, «афганцам», в многозначности его образного языка отразились сложные социальные проблемы постсоветского периода. Основная идея мемориала – эпическая скорбь и христианская жертвенность, именно христианская, а не гражданская, что не одно и то же. Такая небольшая «подмена» позволила авторам мемориала подчинить его художественный образ теме сакрализации, «христианизации» любой жертвы, и таким образом как бы снять социальную противоречивость «афганской» войны. Ядром композиции мемориального комплекса является «храм-памятник», о чем свидетельствует надпись на стеле с бронзовым барельефом Божьей матери, открывающей мемориал. На реализованном проекте видно, что главной целью было всего лишь создание знака-каркаса православного храма, силуэт которого вызывал бы определенные религиозные ассоциации. Важной составляющей мемориала является скульптурная пластика, насыщенная сюжетами скорби, материнской утраты и неприятия войны. Тема героизма и гражданского долга выступает на втором плане.

В идее «храма-памятника» есть еще одно «но»: какой конфессии должен принадлежать храм, выражающий общегражданскую скорбь нашего поликонфессионального общества? Характерно, что один из вариантов конкурса на проект мемориала в Куропатах в начале 1990-х годов представлял так называемый «храм-памятник» в виде дома культуры сталинских времен. Другой проект решался в виде горы черепов, на которой стояло нечто невразумительное, дополненное на четырех углах символами основных религий, исповедуемых в нашей стране: православия, католичества, ислама и иудаизма. В настоящее время религиозные приоритеты однозначно отданы православию, что обусловлено государственным патронатом над деятельностью Белорусского экзархата.

В Минске 2 июля 2010 года состоялось торжественное открытие некрополя в память безвинно убиенных в крипте храма во имя Всех Святых (рис. 6), которое сопровождалось захоронением в нем земли с прахом воинов, павших на белорусской земле в Отечественную войну 1812 года, Первую мировую и Великую Отечественную.

Рисунок 6. – Церковь в честь Всех Святых, 2010 г.

Акция проводилась с участием Президента Республики и имела государственное значение, что отражает возрастание значения сакральных ритуалов в жизни современного нам общества. Участие в ней тысяч минчан, крестный ход, транспортирование урн с прахом на военной технике, воинский парад, праздничный фейерверк сопровождался телевизионной трансляцией. Важную составляющую этой акции являет современная архитектурно-градостроительная среда, сформированная художественно-семантическим образом храма и торжественно-парадным благоустройством окружающей территории, что, в свою очередь, стабильно и надолго формирует общественное сознание.

Однако очевидно, что в данной акции сакрализация исторической памяти белорусского народа вновь фокусируется только в рамках принадлежности к российской православной церкви. На наш взгляд, идеологически более обоснованно было бы открыть этот мемориал захоронением земли с прахом участников Грюнвальдской битвы, в которой с высокой и победной миссией участвовали полки всех славян-

ских народов. Тем более это было бы актуально в год её 600-летнего юбилея. Можно было бы вспомнить еще более давнюю и трагическую страницу истории, а именно битву древнерусских князей на Немиге, упомянутую в «Слове о полку Игореве», что раскрыло бы исторический вектор Минска и его относительно новый столичный статус.

Заключение. В контексте формирования общенациональной идеологии в Республике Беларусь актуализируется задача сохранения исторической памяти общества. Увековечение памяти выдающихся деятелей государства, науки и культуры до настоящего времени складывается у нас хотя и иерархически регламентированно, но спонтанно, хаотично и неоднородно в художественном отношении. Большинство государств мира исторически сформировали собственные архитектурно оформленные государственные некрополи (часто не один), которые помимо духовной ценности для своего народа имеют также всемирную историко-культурную ценность, являясь к тому же важным объектом туризма. Проблема создания некрополя, имеющего целостный и самобытный художественный образ, выступает в нашем поликонфессиональном обществе в качестве непростой, но актуальной общегосударственной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габрусь, Т.В. Мураваная сакральная архітэктурна беларускіх земляў XI–XIII стст.: Старажытнарускі перыяд / Т.В. Габрусь // Архітэктурна Беларусі : Нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце / А.І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – Т. 1 : IX–XIV стст. – С. 106–211.
2. Хозеров, И.М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. / И.М. Хозеров. – Минск : Наука и техника, 1994. – С. 44–47. – (Репринтное издание).
3. Раппопорт, П.А. Русская архитектура X–XIII вв. / П.А. Раппопорт // Археология СССР : Свод археологических источников. – Л. : Наука, 1982. – Вып. Е 1–47. – С. 93–99.
4. Габрусь, Т.В. Мураванья харалы : Сакральная архітэктурна беларускага барока / Т.В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – 287 с.
5. Wileńska architektura sakralna doby baroku. Dewastacja i restauracja / Fotografie Kęstutis Stoškus // Herder-Institut Marburg. Institut Sztuki PAN. – Warszawa, 2005. – S. 115–121.
6. Габрусь, Т.В. Мураваная сакральная архітэктурна XVI–XVIII стст. / Т.В. Габрусь // Архітэктурна Беларусі : Нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце / А.І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – Т. 2 : XV – сярэдзіна XVIII ст. – С. 144–159.
7. Wileńska architektura sakralna doby baroku // Herder-Institut Marburg. Institut Sztuki PAN. – Warszawa. – S. 123.
8. Джонс, К. Париж: биография великого города / К. Джонс. – М. – СПб., 2006.
9. Архітэктурна Беларусі : Энцыклапедычны даведнік. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1993. – С. 189, 218, 463.
10. Чернатов, В.М. Сынам Отчизны: Мемориальные сооружения воинской славы на территории Белоруссии / В.М. Чернатов. – Мінск : Выш. школа, 1980. – 95 с.
11. Литвинова, Т.Ф. Из истории создания фамильной часовни-усыпальницы Паскевичей в Гомеле / Т.Ф. Литвинова // Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 150-годдзю з нараджэння Е.Р. Раманава, Гомель, 25–26 кастр. 2005 г. – Гомель, 2005. – С. 200–205.
12. Архітэктурна Беларусі : Энцыклапедычны даведнік. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1993. – С. 346–347.
13. Габрусь, Т.В. Храм-памятник: проблема совмещения смыслов / Т.В. Габрусь // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры. К 80-летию ин-та философии НАН Беларуси // Материалы междунар. науч. конф. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 516–519.

Поступила 06.06.2016

TRADITION AND MODERN TRENDS IN THE SACRALIZATION OF SOCIAL MEMORY IN MONUMENTAL ART AND ARCHITECTURE OF BELARUS

T. GABRUS

The sacral architecture bears a long-lasting memorialization experience as well as sanctification of the time and space. This feature allows to ascertain the essential content of the architecture within the big historic time. In present paper the problem of historical memory preservation of Belarusian People is discussed from the point of view of traditional and modern national sacral and memorial architecture. Here, we have evaluated the concept of a “temple-monument” as a creative idea, that met a wide acception during the fall of millenium in the monumental art and architecture of Belarus in context of the interaction of various ways of innovational and traditional thinking.

Keywords: *monumental art, architecture Belarus, the tradition of memorialisation, the stylistic characteristics of the memorial and sacred buildings, the temple, a necropolis.*